

Е. И. Малозёмова

ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ В ОФОРМЛЕНИИ ИРАНСКОГО ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ

Образ животного или птицы довольно часто присутствует на холодном оружии народов Ближнего Востока вплоть до XIX и даже XX в., когда клин-

Рис. 1. Ятаган. Турция, XIX в. Деталь.
МАЭ РАН. Колл. №2724-17

ковое оружие играло только преимущественно знаковую роль в соционормативной культуре ближневосточных народов. В качестве материала для рукоятей клинкового оружия в Турции и на Кавказе, в Иране и Средней Азии часто использовались кость или рог животного (рис. 1), из кости делались накладки на луки, из кожи животных — колчаны, ею же обтягивались деревянные ножны, кожа и сухожилия служили тетивой. Оперенья стрел представляли собой птичьи перья, а клинки оформлялись изображениями зверей (рис. 2).

В оружейной культуре иранцев, судя по данным самых древних памятников письменности и материальной культуры, образы животных занимали очень важное место. Тексты Авесты, многие гимны которой пронизаны воинственными настроениями, содержат описания, порой довольно под-

Рис. 2. Ятаган. Турция,
XIX в. Деталь.
МАЭ РАН. Колл. №2724-17

робные, оружия, которое могли использовать иранские племена середины I тыс. до н.э. и которое давалось в руки богам. Так, стрелы следящего за исполнением мирового порядка и договора бога-воина Митры в посвященном ему «Михр-яште» (яшт создан, согласно приведенной И.С. Брагинским хронологии М. Муина, около VI в. до н.э. [Брагинский 1998: 44]) обладают орлиным опереньем (Авеста. Яшт 10: XXV:101). С орлом, коршуном, ястребом и особенно вороном отождествляется хищная птица Варагн (хотя точная ее идентификация все же затруднительна) [Стеблин-Каменский 1993: 191], в образе которой пророку зороастризма Спитаме-Заратуштре является божество победы Вэртагна, чьи перья обладали чудесной силой, снимающей колдовские заклятья и помогающей в бою:

...И проведя по телу,
Пером заклятье снимешь
Ты своего врага.

Дают нам благо перья
И кости сильной птицы,
Могучей птицы Варагн,
Никто того не может
Сразить, повергнуть в бегство,
Кому дает удачу,
Кому дает поддержку
Перо той птицы птиц
(Авеста. Яшт 14: XIV:35–36.
Пер. И.М. Стеблин-Каменского).

Магические силы, судя по текстам Авесты, приписывались и оружию, которым владели боги. Бог дисциплины и благочестивого послушания Сраоша, объезжая срединный каршвар, разит зло чудесным, похожим на нож боевым топором, который сам летает и сам уничтожает вражеское войско (Авеста. Яшт XI: 4, 28, 30), т.е. войско противников мирового порядка, глобального закона мироздания Арты.

Оружие богов было драгоценным: либо выполненным из золота или серебра, либо украшенным ими, т.е. описывается оно как парадное, применявшееся в особенно торжественных случаях.

В иранском и, шире, ближневосточном социуме в период около середины I тыс. до н.э. такими могли быть события только обрядово-ритуального характера. Связь золота и оружия известна уже во времена индоарийской общности: для обозначения блеска как золота, так и оружия в текстах Ригvedы используется особый глагольный корень *-bhrāj* при существовании отдельного корня *-rus* для обозначения блеска только золота [Елизаренкова 1989: 516]. Богов же, например Вайу, олицетворявшего пространство между небом и землей, тексты Авесты представляют в образе царя-воина, сильного вождя (Авеста. Яшт XV:57). Подобные представления, зафиксированные в Авесте, отражают мифопоэтическую модель мира древних иранцев, в которой мифология понимается как особый тип мышления, отличающийся по времени и существу от исторического и естественно-научного. В архаических обществах человек еще не выделял себя отчетливо из окружающего природного мира, и реальные черты этого мира отражались в образах мифологии. «Преломляя принятые формы жизни, миф создает некую новую фантастическую “высшую реальность”, которая парадоксальным образом воспринимается носителями соответствующей мифологической традиции как первоисточник и идеальный прообраз» [Мелетинский 1976: 171, 165, 170].

Большинство материальных памятников, относящихся к эпохе I тыс. до н.э., представляет собой ритуально-церемониальное оружие, дополненное изображениями животных и в полной мере соответствующее представлениям об оружии, описанным словесной традицией древних иранцев.

Одним из наиболее ранних комплексов, в котором были обнаружены детали парадного оружия, оформленного звериными образами, стал найденный в 1946 г. недалеко от маленькой деревни Зивие в иранском Курдистане так называемый Саккызский клад. Он представляет собой довольно большой комплекс вещей, бывших царской сокровищницей [Ghirshman 1954: 107] или военной добычей [Луконин 1977: 19], и был найден у стен крепости, существовавшей между началом и второй половиной VII в. до н.э. По мнению В.Г. Луконина, наиболее вероятными заказчиками этих вещей, выполненных и в ассирийском стиле, и по канонам урартского искусства, и согласно художественным традициям Маннейского царства, оказываются цари и вожди Мидии [Луконин 1977: 28]. Р. Гиршман датирует этот комплекс между 680 и 625 гг. до н.э. и полагает, что он мог принадлежать скифскому царю Партатуа или его сыну Мадю [Ghirshman 1954: 107–108]. Звериный стиль искусства скифов, расселившихся в начале I тыс. до н.э. на территориях евразийских степей, напоминают образы горных козлов и хищных животных, оформляющие входившие в клад золотые ножны изящной работы и золотую бутероль короткого меча. В захоронениях скифских царей как раз и обнаружена большая часть предметов иранского вооружения конца эпохи бронзы и начала железа. По мнению Д.С. Раевского, в культуре скифов можно ожидать «сохранения целого ряда архаичных черт, близких к общеиранским (или даже общеарийским), утраченных или существенно заглушенных в других традициях» [Раевский 1985: 8]. Поскольку история скифов, их социальная организация и быт в очень большой степени были связаны с войной, предметы вооружения оказываются существенной частью археологической культуры скифов [Мелюкова 1964: 5].

Большинство предметов скифского царского вооружения обнаружено в надёжно датированных и считающихся эталонными в скифологии археологических комплексах Келермес, Солоха, Чертомлык [Алексеев 2003: 35]. Эти предметы украшены образами как относительно реалистичных, так и очевидно фантастических хищных и травоядных животных и относятся к категории парадно-ритуального вооружения: они выполнены из железа и инкрустированы золотом, указывающим на принадлежность оружия к культуре высшей племенной знати [Алексеев 2012: 25–26].

Из самых ранних предметов скифского оружия, оформленных изображениями животных, наиболее примечательны секира и короткий меч из Келермесских курганов (пять курганных захоронений местной знати) — самого раннего археологического комплекса, расположенного в Закавказье и датированного по данным радиоуглеродного анализа 650–580 гг. до н.э. [Алексеев 2003: 35]. В них сохранился богатейший арсенал почти всех видов вооружения, которыми располагала скифская воинская элита времен переднеазиатских походов.

Церемониальная секира, помещавшаяся у правого бока погребенного рядом с мечом и кинжалом, декорирована накладками из золота, считавшегося у скифов священным металлом (легенды Геродота об аримаспах и происхождении скифов (Геродот IV, 5–7, 13, 27), на них в технике басмы и чеканки [Галанина 1998: 98, 224] выполнены изображения различных животных. Секира — один из основных предметов вооружения в культурах древнего Ближнего Востока — в скифской культуре использовалась не только как боевое, но и как церемониальное оружие. Об этом свидетельствуют ритуалы с ее участием (Геродот IV, 81, 8–9, 5–7, 76), в процессе которых все вещи приобретают статус знаковых объектов [Байбурин 1993: 201], а также ее изображения на культовых статуях, ритуальных сосудах и других изделиях торевтики скифской эпохи. Изображения животных, выполненные на келермесской секире (рис. 3), очевидно, являвшейся знаком воинской доблести своего владельца, должны были в соответствии с принципами апотропеической магии, распространенной в скифской культуре, служить на благо своего владельца в роли оберегов, а также работать в качестве маркеров принадлежности оружия к обрядово-ритуальной сфере. (В этом смысле особенно примечательны две знаменитые бляхи с изображением идущей по следу пантеры из Первого Келермесского кургана и оленя в позе «летающего галопа» из Костромского кургана, служившие оформлениями горитов [Алексеев 1996: 130–134].)

Образами животных оформлены и ножны короткого меча из Первого Келермесского кургана — одного из старейших церемониальных коротких мечей скифского типа, который использовался еще при жизни владельца [Галанина 1998: 92, 96]. С обеих сторон на листовых золотых накладках ножен передневосточный мастер в технике чеканки исполнил композицию с участием идущих друг за другом фантастических животных, вооруженных и безоружных (рис. 4).

В образах этих животных усматривается влияние урартского или в целом древневосточного искусства [Пиотровский 1959: 252], что ярко показывает вкусы скифской аристократии, побывавшей в переднеазиатских походах. Ко-

Рис. 3. Секира скифская. Келермесские курганы.
VII в. до. н.э. Деталь. ГЭ

Рис. 4. Меч скифский.
Келермесские курганы.
VII в. до. н.э. Деталь. ГЭ

роткий меч отразил эти вкусы. Этот предмет вооружения, по форме и размерам выходящий за рамки категории и меча, и кинжала, не был известен в других древневосточных культурах и характерен для оружейной культуры только иранского мира VIII–III вв. до н.э. Будучи обязательным элементом погребального ритуала по крайней мере до IV в. до н.э., он обнаруживается исключительно в захоронениях царей и воинской аристократии. Погребения рядовых воинов с коротким мечом или кинжалом до этого времени сравнительно редки, и только к IV–III вв. до н.э. количество таких погребений заметно увеличивается. Это позволяет полагать, что с течением времени в скифском военном обиходе значение этого предмета вооружения возрастает [Мелюкова 1964: 46]. Судя по данным письменных источников и археологии, короткий меч обладал самым высоким семиотическим статусом в скифской воинской культуре. Истории Геродота (Геродот IV, 59, 64) повествуют о роли меча в ритуальных церемониях скифов в качестве продолжения или составной части мировой оси [Алексеев 1980: 42, 43, 44], т.е. одного из функциональных эквивалентов мирового или священного древа, а практически все обнаруженные скифские короткие мечи обладали высокими боевыми качествами, поскольку были откованы из железа, о чем пишет и «отец истории» (Геродот IV, 62). Соответственно, декоративная программа, встречающаяся на коротких мечах, особенно на раннем этапе скифской истории, должна была поддерживать этот статус, а возможно, в условиях отсутствия письменности у кочевников и как можно более точно пояснять его языком образов. Так, сцену на ножнах меча из Келермесского могильника возможно трактовать как вариант традиционной для скифского искусства «сцены терзания» хищником травоядного, которая рассматривается в том числе и как своего рода жертвоприношение, совершаемое во имя поддержания миропорядка [Раевский 1985: 152–153]. (Здесь уместно вспомнить, что поддержание мирового порядка было, как явствует из текстов «Авесты», необходимым элементом функционирования культуры и прерогативой всех членов социума, но в первую очередь богов.)

Еще более очевидна эта сцена на ножнах меча из Литого кургана, близкого по времени изготовления, типу и орнаментике к келермесскому (различия в декоре мечей подробно разобраны Е.В. Черненко [Черненко 1980а]), что привело к заключению о том, что оба были выполнены в одной мастерской [Черненко 1980б: 67–68]. На ножнах этого меча изображены только вооруженные звери, что позволило мастеру выразить идею борьбы и смерти с еще большей напряженностью, чем это было сделано на невероятно экспрессивном келермесском мече. Наиболее часто «сцены терзания» появляются именно на предметах вооружения, т.е. на вещах, непосредственно связанных со смертью и жертвоприношением, поскольку убийство врага или гибель в сражении самого воина должны были рассматриваться как жертвоприношение. В таких случаях происходит дублирование или скорее усиление семантического значения вещи в пространстве этнической культуры. Оформление короткого скифского меча образами животных в «сценах терзания» подчеркивает роль и значение этого предмета вооружения как сложного символа ритуально-обрядовой сферы: это и знак царской власти, и символ мужской силы, и воплощение бога, и средство поддержания мирового порядка.

«Сцена терзания» на ножнах мечей, судя по сохранившимся экземплярам из других более поздних курганных захоронений, таких как, например, Солоха, Куль-Оба (IV в. до н.э.) и другие, продолжает сохраняться, приобретая внешнюю декоративность. Она выражается в пластичной трактовке образов животных, связана уже с работой греческих мастеров и отличается от парадной торжественности, свойственной образам древневосточного искусства.

Изображениями животных оформляли короткие мечи не только скифы, но и другие иранские племена. Золотые ножны акинака из Амударьинского клада [Boardman 2006: 115–119] работы мидийских мастеров VI в. до н.э. [Dalton 1964: 10], по форме восходящие к ножнам коротких мечей из Келермесского и Литого курганов [Амударьинский клад 1979: 95], оформлены сценами охоты всадников на хищников. Эти ножны, как и ножны акинака V в. до н.э., найденные в городище Тахт-е Сангин в Южном Таджикистане и оформленные изображением льва, сжимающего в лапах козленка, могли принадлежать лицам царского достоинства [Пичикян 1991: 94]. Такие сцены, как и сцены скифского искусства, сложны для однозначного толкования, но, возможно, воплощают в несколько смягченной форме ту же идею поддержания мирового порядка, что и «сцены терзания» на скифских вещах. Сюжет охоты всадников — вариант заимствованного у ассирийцев мотива борьбы царя с хищным или фантастическим зверем (известного и по персепольским рельефам), олицетворяющего победу добра в образе царя-героя над злом [Луконин 1977: 53], что тоже соответствует идее поддержания истинного закона мироздания. Эта этическая концепция в дальнейшем получит развитие и закрепится в культурной памяти социума.

Образы животных и птиц фигурируют и на рукоятях клинкового оружия древних иранцев. Навершие рукоятей некоторых скифских коротких мечей оформлены протомами птиц и зверей, чаще всего обращенных друг к другу (рукоятки парадного меча из кургана Солоха, коротких мечей из кургана 10 ст. Елизаветовская и кургана 401 близ с. Журовка и др.) [Манцевич 1969: 98]. На рукоятях акинаков, выполненных в среде оседлых иранских племен, протомы животных обращены в разные стороны. Таково, например, навершие рукоятки короткого меча из Чертомлыцкого кургана работы оседлых иранских мастеров V в. до н.э. [Иран в Эрмитаже 2004: 44–45], оформленное протомами львов. Таким же образом декорирована и тонкая рукоять золотого кинжала из Хамадана (рис. 5) [Berghe 1959: 109]. В верхней части она украшена двумя протомами львов, а в нижней — протомами баранов. Такая форма, с одной стороны, продолжает традицию оформления ассирийского клинкового оружия (протомами львов и баранов оформлялись ножны ассирийского оружия в IX–VII вв. до н.э.) [Литвинский 2000: 214], а с другой — в случае чертомлыцкого меча воспроизводит образ капители колонн Персеполя, а в случае кинжала из Хамадана придает всему кинжалу, а не только рукояти, образ архитектурной детали, исполненной в свойственных древнеиранской архитектуре великолепных пропорциях.

Таким образом, изображения животных, украшавшие оружие древних иранцев, оказались основным элементом изобразительной программы, которая несла дополнительную информацию о предмете, связанную с его

Рис. 5. Кинжал. Иран,
V–IV вв. до н.э.
(изображение опубликовано
в: [Khorasoni 2006])

символическим значением и этнографическим статусом в культуре. Одновременно с этим в формах и принципах оформления холодного оружия оседлых иранцев отразился официальный парадно-репрезентативный стиль периода расцвета Ахеменидского государства. Этот стиль становится каноничным для оправ иранского клинкового оружия, поскольку, закрепившись в культурной памяти этноса, проявится на оружии много позже, уже в мусульманское время. (Об оформлении иранского оружия периода правления династии Аршакидов (сер. III в. до н.э. — первая треть III в. н.э.) и Сасанидов (вторая четверть III — середина VII в. н.э.) говорить довольно сложно, поскольку материальных памятников и изображений, детально показывающих предметы вооружения, очень немного, а имеющиеся представляют оружие, и почти всегда это мечи, оформленные растительным и геометрическим орнаментом.)

Иранского оружия, относящегося к раннеисламскому периоду, крайне мало. Основная часть предметного материала относится к XV–XVI в. Среди немногочисленного клинкового оружия XV–XVI вв. есть широко распространившиеся к этому времени сабли (клинки некоторых из них даже атрибутируются как принадлежавшие амиру Тимуру или представителям династии Тимуридов [Khorasoni 2006: 424–428]), мечи, все больше и больше переходившие в ранг церемониального оружия [Stöcklein 1939: 2576] и ставшие нормативным атрибутом костюма иранского аристократа, кинжалы разных типов, которые, правда, сложно точно датировать [Ivanov 1979: 70]. Абсолютное большинство вещей этого времени при нескольких сохранившихся образцах XII–XIV в. представляет собой церемониальное оружие, которое часто оформ-

лено образами животных с использованием приемов, так или иначе восходящих к архаическим образцам. Композиции с участием борющихся животных, напоминающие о древнеиранской «сцене терзания», на фоне традиционного для искусства исламского мира растительного орнамента выполняются мастерами на клинках в технике чаще всего врезной таушировки золотом.

Клинок иранской работы XV в. одного из мечей, оправленных европейской рукоятью типа Боабдиль, оформлен сценами борьбы драконовидного существа с фантастической птицей, отождествляемой с иранской эпической

птицей Симургом (рис. 6). Эти образы стали очень популярными в оформлении иранского оружия в XV в. и последующих двух столетиях, ознаменовавшихся временем правления представителей династии Сефевидов, непосредственно обращавшихся к древнеиранским традициям. Похожими сценами оформлены еще несколько иранских мечей соответствующей эпохи, а также ранние турецкие ятаганы XVI в. (один в собрании Музея Топ-капы [Сокровища 2010: 65], другой — в коллекции Фурусийа [Bashir 2008: no. 21]). Сцены борьбы животных с участием зайца, собак, фантастического персонажа и тигра, исполненные на фоне арабескового узора в сочетании с благопожелательной надписью, оформляют и редчайший образец сабли XII в. [Khorasani 2006: 132]. Медальоном со «сценой терзания» между двумя львами, выполненной резцом, дополнен и иранский клинок XIII–XIV вв. [Stöcklein 1939: 2572].

Рис. 6. Меч. XV в. Деталь (изображение опубликовано в: [Kuhnel 1925])

Разумеется, за столь длительное время «сцена терзания» утратила свое первоначальное значение, превратившись в художественный мотив, зачастую сопровождающийся растительным узором либо благопожелательной стихотворной или коранической надписью. Стоит заметить, что реминисценции на «сцену терзания», воплощавшую в изобразительной форме описанные выше этические концепции древнеиранской культуры, встречаются почти исключительно в оформлении поясов и оружия, которое продолжает сохранять этическую составляющую и в исламское время, что не только видно по материальным памятникам, но и очень четко описано в трактате Кашефи Сабзевари «Футувват-наме-е Султани» конца XV в. Таким образом, сцены борьбы животных превращаются в своеобразный маркер, свидетельствующий о принадлежности оформленного ими оружия к аристократической культуре с длинной исторической традицией.

Следование этой традиции проявляется и в оформлении приборов клинков. Изысканные кинжалы, относящиеся к XV в., воспроизводят в трансформированной форме оправу кинжалов и мечей Ахеменидского периода. Редуцированное перекрестье с дужками в виде животных, словно «обнимающее» клинок иранского кинжала последней четверти XV в. из собрания Эрмитажа (рис. 7), очевидно восходит по форме к перекрестью золотого кинжала из Хамадана.

Похожая форма перекрестья и у кинжала с клинком иранской работы XVI в. (рис. 8), позже получившего турецкую рукоять и ножны [Земное искусство 2000: 311]. Изменения касаются и самих животных. Изображения

Рис. 7. Кинжал. Иран, конец XV — начало XVI в. ГЭ

Рис. 8. Кинжал. Клинок. Иран, вторая пол. XVI в. Ножны. Турция XVII в. ГЭ

баранов на перекрестье древнеиранского кинжала уступили место фантастическому животному, в котором узнается значительно стилизованный образ индийского макара, ставший особенно популярным в эпоху Тимура, видимо, как результат его индийского похода. Этот же образ, возможно, даже более отчетливо проявляется на дужках перекрестья сабельных рукоятей, которые принято относить к временам правления Тимура и его последователей. Причем загнутые дужки сабельной гарды повторяют ту же древнюю форму. Рукояти таких сабель тоже показывают увлечение индийской оружейной традицией, поскольку выполнены из нефрита — одного из самых распространенных материалов для создания рукоятей индийского оружия, тогда как в иранском мире предпочтение отдавалось традиционным материалам, таким как золото. Золото используется для оформления вышеописанного иранского кинжала с редуцированным перекрестьем, который выделяется среди прочих сходных образцов совершенством технического и художественного исполнения. В его оформлении использованы рубины и разные техники работы с металлом: резьба, чеканка, инкрустация золотом. Рукоять и ножны украшены пышным растительным орнаментом, персидскими стихами, драконовидными существами, китайскими цилиндрами, а также кожей ската, появившейся тогда, когда на место прежнего сломанного клинка был вмонтирован новый, более длинный, что потребовало и удлинение ножен [Во дворцах 2008: 150–151]. Использование кожи морских животных — это тоже прием, известный

Рис. 9. Каддара. Иран, XIX в.
(изображение опубликовано
в: [Khorasoni 2006])

в оружейной культуре иранцев по крайней мере с VIII в. На росписи «Пирующие (купцы)» из Пенджикента рукояти пристегнутых к поясу купцов кинжалов написаны художником так, что воспроизводят шероховатую кожу ската или акулы, при том что вооружение и воинское снаряжение на согдийских изображениях передавались с документальной точностью [Маршак, Распопова 1998: 279].

С образами морских животных перекликаются кораллы и жемчуг, которыми тоже нередко оформлялось ближневосточное оружие. Кораллами чаще декорировались оправы оружия в Османской Турции, а жемчуг присутствовал больше в декоре иранских клинков. Иногда вдоль рукояти и обуха клинка, как кинжального, так и сабельного, вырезали узкие глубокие желобки, в которых перекатывались жемчужины (иногда их заменяли бусины) (рис. 9). С одной стороны, этот прием, который использовали только иранские оружейники, создавал художественный эффект, а с другой — жемчужины издавали при ударе особенный свистящий звук [Тихомирова 1983: 2]. (В конструкции боевого оружия тоже известно применение звукового эффекта для

устрашения противника.) Кроме того, жемчужина — один из ярчайших образов коранического текста, появление которого в оформлении оружия свидетельствует о продолжении традиции наделения его символическими смыслами, но уже в пространстве мусульманской культуры.

Из жемчуга или бусин, нанизанных на шнурки из золотых, серебряных или шелковых нитей, делались еще и декоративные подвески к рукоятям сабель и кинжалов. Жемчужины использовались и для декора собственно рукоятей, которые в XV–XVII вв. изготовляли из слоновой кости, ставшей тогда особенно популярной, но тоже знакомой в качестве материала для оправ ассирийского оружия [Литвинский 2000: 214] и древнеиранского: ножны акинака из Тахт-е Сангин выполнены из резной слоновой кости, да и рукояти еще нескольких акинаков из храма Окса сделаны из цельного куска слон-

Рис. 10. Кинжал. Иран, XVII в.
Деталь. ГЭ

вьего бивня или из слоновой кости [Литвинский 2000: 202–203]. В XVII–XIX вв. этот материал использовался для создания рукоятей сабель, а также разных по типу ножей и кинжалов, распространившихся в иранской культуре, — это и вероятно элегантные ножи, свойственные не только аристократам, но и обычным горожанам, и кинжалы с рукоятью в виде буквы «I» (рис. 10), тоже имеющие прообраз в эламской оружейной культуре. В XVIII в. на смену слоновой приходит более прочная моржовая кость.

Смена материалов, использовавшихся для оружейных оправ, говорит о вариации стилей, настроений и, наконец, моды в рамках устойчивых традиций иранского оружейного производства. Этот процесс можно отследить на миниатюрах XV–XVIII вв., которые, так же как и согдийская живопись, очень точны в передаче деталей [Миллер 1959: 58]. Миниатюры сефевидского времени показывают и еще один примечательный вид оружия,

бытовавший в иранской аристократической культуре, — это подвешенный на шнурке к поясу довольно длинный и узкий предмет, напоминающий вложенный в ножны кинжал (рис. 11).

Рукоять часто бывает в виде головы птицы, а иногда и просто скругленной формы. В музее «Волкеркунде» в Мюнхене хранится один экземпляр такого длинного ножа с клинком 43 см и рукоятью, выполненной из бивня моржа [Stöcklein 1939: 2575]. В Эрмитаже есть другой кинжал рубежа XVIII–XIX вв., декорированный яркой эмалью, с рукоятью в виде головы попугая, выполненной из золота (рис. 12). В этом кинжале, правда, отражено скорее новое воспроизведение уже известной, но не столь древней формы (хотя у сарматских мечей и кинжалов были зооморфные навершия [Смирнов 1961: 9–27]). Завершение рукоятей в виде головы животного известно и по согдийским росписям: рукоять меча божества Вешпаркара на росписи «Два божества» рубежа VII–VIII вв. выполнена в виде головы фантастического хищного животного, напоминающего льва.

Такая архаизация очень широко распространилась в XIX в. в декоре оружия, использовавшегося во время церемоний поминования имама Хусейна, в частности представлений *ta'ziyeh*, что связано со стремлениями иранцев-шиитов соотнести историю имама с элементами древней культуры Ирана, ее эпическими сюжетами и героями [Litten 1929: XV–XVII; Khorasani 2006: 363; Lyell 1923: 64]. Рукояти длинноклинкового оружия, использовавшегося в *ta'ziyeh*, соединяют стилизованный образ хищной птицы в навершии (что

Рис. 11. «Двое мужчин в пейзаже».
Миниатюра. Тебриз. 1530–1540-е годы
(изображение опубликовано в: [Peerless Images 2002])

Рис. 12. Кинжал. Иран, XVIII–XIX вв.
Деталь. ГЭ

характерно для рукоятей не только иранского оружия типа «корабелла») и образ стилизованных макаров, в виде которых оформлены дужки. Это соединение видно на примере рукояти сабли из коллекции МАЭ РАН № 2723-2а, б (рис. 13).

Рис. 13. Сабля. Иран, XIX в. Деталь. МАЭ РАН. Колл. № 2723-2а

Обоймицы ножен оформлены «сценами терзания» соколом утки. На оружии, фигурирующем в ритуалах *ta'ziyeh*, кроме макара присутствуют образы и других животных — кролика, змеи, рыбы, воплощающие идею плодородия¹. Образ макара, связанный с водой и тоже, как представляется, поддерживающий в том числе идею плодородия, встречается еще в оформлении приседельных топоров, так называемых *tabarzin*, связанных с культурой дервишей. В этом случае в виде макара сделан обух. Вполне возможно, такие топоры изготавливались специально для представлений *ta'ziyeh*. Об участии в них дервишей упоминают и Е.Э. Бертельс [Бертельс 1988: 487–488], и И. Березин [Березин 1952: 337], и другие очевидцы. Кроме присутствующего на топорах XIX в. образа макары сохранившиеся экземпляры, относящиеся ко времени

¹ Оружью, использовавшемуся в ритуалах *ta'ziyeh*, посвящена отдельная статья Е.И. Малозёмовой «Холодное оружие и ритуально-театрализованные представления в Иране» (в печати).

Сефевидов и позже², часто декорированы архаическим мотивом «лев, нападающий на газелей» в сочетании с растительным орнаментом, также включающим изображения животных и птиц (рис. 14), каллиграфически написанными цитатами из Корана³, поэтическими текстами иранского поэта XVI в. Абд-Аллаха Хатефи и фразами суфийского содержания. Все эти варианты декора указывают на принадлежность топориков к категории ритуального оружия.

Рис. 14. Топор-секира. Иран, XIX в. Деталь. МАЭ РАН. Колл. № 2145-48а, б, в

К ритуальному оружию относятся и булавы с навершием в виде головы быка или коровы (рис. 15). *Gorze-i gavsar* — «булава с навершием в виде головы коровы» — упоминается в сказании о Захаке «Шах-наме» (бейт 76), хотя термин для булавы, *vadar-*, встречается еще в текстах «Авесты» [Malandra 1973: 277]. Изображения такой булавы есть на персидских миниатюрах. В эпизоде со сном Захака «быкоголовой» булавой в качестве единственного оружия вооружен один из воинов, который, согласно предсказаниям звездочетов, должен был ею убить Захака и получить таким образом власть. В этом случае «быкоголовая» булава становится средством достижения или даже символом власти, причем власти божественного происхождения. Примечательно, что подобный статус булавы в некоторой степени подтверждается и семантическим полем слова *amud*, в которое наряду со значениями «пали-

² В европейских коллекциях нет ни одного такого топорика, датирующегося более ранним периодом, хотя, судя по литературным сочинениям, они были важным видом оружия с раннеисламского времени [Melikian-Chirvani 1979: 117].

³ Сводка коранических цитат, использовавшихся в орнаментике, в частности оружия, приведена Е.А. Резваном в книге «Коран и его мир» [Резван 2001: 343–350].

Рис. 15. Булава. Иран, конец XVIII в.
Деталь. ГЭ

ца», «булава», «жезл» входят значения «вождь», «глава», «великий человек», а также стоящие в начале семантического поля «столб», «колонна», «подпора», «палка» (наиболее вероятное соответствие мировому древу древности). Для XIX в. и более позднего времени такая форма булавы известна в инвентаре зороастрийских храмов. В одном из них, в Бомбее, главный жрец получал ее во время церемонии своего посвящения [Hartman 1980: 24]. «Быко-головая» булава, таким образом, становится собственностью главного жреца и оказывается символом жречества в зороастрийской традиции, которая существовала и существует не только в Индии, но и в Иране наряду с исламом.

Таким образом, образы животных ярче всего демонстрируют определенную традицию в оформлении холодного оружия иранцев, заложенную еще в период их древней истории и сохранившуюся с определенными изменениями, вытекающими из особенностей культурно-исторического развития, до XIX — начала XX в. **Такого рода диахроническая передача информации** от поколения к поколению, обуславливая преемственность этнической группы и ее стабильность во времени [Арутюнов, Чебоксаров 1972: 19], свидетельствует о сохранении иранцами культурной и этнической идентичности.

Библиография

- Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И.В. Рака. СПб., 1998.
- Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб., 2012.
- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
- Алексеев А.Ю. О так называемых «нащитных эмблемах» скифской эпохи // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э.: Мат-лы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. СПб., 1996.
- Алексеев А.Ю. О скифском Аресе // АСГЭ. Л., 1980. № 21. С. 39–47.
- Амударьинский клад: Каталог выставки. Л., 1979.
- Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. № 2. М., 1972. С. 8–31.
- Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993.

- Березин И.* Путешествие по Северной Персии. Казань, 1952.
- Бертельс Е.Э.* Избранные труды. Т. V. История литературы и культуры Ирана. М., 1988.
- Брагинский И.С.* Авеста // Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И.В. Рака. СПб., 1998. С. 22–66.
- Во дворцах и в шагах. Исламский мир от Китая до Европы. СПб., 2008.
- Галанина Л.К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. (Степные народы Евразии. Т. I). М., 1997.
- Геродот. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Страгановского. Л., 1972.
- Елизаренкова Т.Я.* «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. М., 1989. С. 426–544.
- Земное искусство — небесная красота. Искусство ислама / Под общ. ред. М.Б. Пиотровского. СПб., 2000.
- Иран в Эрмитаже. Формирование коллекций: Каталог выставки. СПб., 2004.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.* Эллинистический храм Окса. М., 2000. Т. I, II.
- Луконин В.Г.* Искусство Древнего Ирана. М., 1977.
- Манцевич А.П.* Парадный меч из кургана Солоха // Древние фракцийцы в Северном Причерноморье // Материалы и исследования по археологии СССР. № 150. М., 1969. С. 96–118.
- Маршак Б.И., Распопова В.И.* Война глазами согдийских художников // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998. С. 278–281.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа, М., 1976.
- Мелюкова А.И.* Вооружение скифов. М., 1964.
- Миллер Ю.А.* Турецкая сабля конца XV — начала XVI в. // СГЭ. № XVI. Л., 1959. С. 57–58.
- Пиотровский Б.Б.* Ванское царство. М., 1959.
- Пичикян И.Р.* Культура Бактрии. М., 1991.
- Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. М., 1985.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961.
- Сокровищница Османских султанов. Из собрания Музея дворца Топкапы, Стамбул: Каталог выставки. М., 2010.
- Стеблин-Каменский И.М.* К «Гимну Вэртрагне» // Авеста. Избранные гимны из Видевдата / Пер. с авест. И.М. Стеблин-Каменского. М., 1993.
- Тихомирова Б.В.* Парадное оружие XVII–XIX вв. М., 1983.
- Фирдоуси. Шах-наме. Т. I. Научно-критический текст. М., 1961 (на перс. яз.).
- Черненко Е.В.* Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ: Сб. науч. тр. Киев, 1980. С. 7–30.
- Черненко Е.В.* О серийном производстве парадного оружия скифского времени в античных центрах Северного Причерноморья // Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков, 1980а. С. 67–69.
- Sacred books of the East. Avesta / Transl. by J. Darmsteter. Washington, 1898.
- Bashir M.* The Arts of the Muslim Knight. The Fursiyya Art Foundation Collection. 2008.
- Berghe V.* Archéologie de l'Irān Ancien. Leiden, 1959.
- Boardman J.* The Oxus scabbard // Iran. Vol. 44. 2006. P. 115–119.
- Dalton O.M.* The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metalwork. L., 1964.

- Ghirshman R.* Iran. Washington, 1954.
Hartman S.S. Parsism. The religion of Zoroaster. Leiden, 1980.
Ivanov A. A Group of Iranian Daggers of the Period from the 15th Century to the Beginning of the 17th with Persian Inscriptions // *Islamic Arms and Armour*. L., 1979. P. 65–74.
Khorasani M.M. Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Tübingen, 2006.
Kunzel E. Islamic Kleinkunst. 1925.
Litten W. Das Drama in Persien. Berlin; Leipzig, 1929.
Lyell Th. The Ins and Outs of Mesopotamia. L., 1923.
Malandra W.W. A Glossary of Terms for Weapons and Armor in Old Iranian // III. 1973. Vol. XV. No. 4. P. 264–289.
Melikian-Chirvani A.S. The Tabarzīn of Loṭf ‘alī // *Islamic Arms and Armour*. L., 1979. P. 116–135.
Peerless Images: Persian Painting and Its Sources. Yale, 2002.
Stöcklein H. Armes and Armour // *A Survey of Persian Art*. Vol. III. L.; N.Y., 1939. P. 255–2586.

Список сокращений

- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ГЭ — Государственный Эрмитаж.
МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа.
IJ — Indo-Iranian Journal.